

*И.Ю. Медников****

НАШЕСТВИЕ «АНТИХРИСТА»: ФРАНЦУЗЫ В ЗЕРКАЛЕ ВОЙНЫ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ ИСПАНИИ

В начале мая 1808 г. члены испанской королевской семьи оказались на юге Франции, в Байонне, где император французов Наполеон Бонапарт собирался решить судьбу Испании и ее колоний. Карл IV недавно был вынужден отречься от короны в пользу сына, Фердинанда VII. Тот ненавидел отца, мать Марию-Луизу Пармскую и всесильного фаворита — «Князя Мира» Мануэля Годоя. Все видели в Наполеоне третейского судью, арбитра, способного разрешить спор о короне, но у императора французов на этот счет были другие соображения. Ведь не зря уже почти половина Испании, включая Мадрид, была занята французской «союзнической» армией.

В это время в Мадриде командовавший французскими войсками на Пиренейском полуострове Иоахим Мюраг потребовал выдачи французам младшего сына Карла IV, инфанта Франсиско де Паула. Утром 2 мая он попытался вывезти инфанта силой, но жители Мадрида восстали. Сопrotивление испанцев было потоплено в крови. Получив известия о мадридском восстании, Наполеон заставил Карла IV и Фердинанда VII отречься от короны предков и передать ему, императору французов, королю Италии и протектору Рейнского союза права на испанский престол. В договоре, подписанном с Карлом IV, оговаривались два условия: сохранение целостности и независимости Испании и ее колоний, а также признание католической религии единственной в государстве. Взамен испанским Бурбонам, оставшимся во Франции, предоставлялась немалая рента¹.

Наполеон пригласил в Байонну представителей испанского духовенства, знати и третьего сословия, чтобы узнать «желания и нужды» самих

* *Игорь Юрьевич Медников* — младший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, директор Международного учебно-научного Иберийского центра Российского государственного гуманитарного университета.

** *Сердечно благодарю за помощь и советы при написании этой статьи А. Гимеру Рабину и Л. Лопеса-Окона Кабреру (Высший Совет научных исследований Испании), Р. Кальво Боведа (Министерство образования, культуры и спорта Испании), Ж. Пучсека Фарраса (Барселонский автономный университет) и Е.Э. Юрчик (МГУ им. М.В. Ломоносова).*

¹ *Copia del Tratado entre Carlos IV y el Emperador de los Franceses // Toreno, conde de. Historia del levantamiento, guerra y revolución en España. T. 1. (Colección de los mejores autores españoles. T. 6). P., 1838. P. 467–468.*

испанцев². Многие из них были доставлены силой, другие прибыли, опасаясь за свои должности и жизнь, третьи были «рекрутированы» из числа испанцев, проживавших на юге Франции. Заседания «Байоннских кортесов» открылись 15 июня 1808 г. Их главная задача заключалась в утверждении текста конституции, подготовленного французами. Еще 6 июня Наполеон подписал декрет о назначении своего брата, короля Неаполя Жозефа Бонапарта королем Испании и Индий. 7 июля 1808 г. Жозеф присягнул конституции, принятой «Байоннскими кортесами», и стал королем Испании Хосе I. Новый король выехал в Мадрид.

Первая статья «Байоннской конституции» гласила: «Католическая, апостольская и римская религия будет религией короля и нации. Не будет разрешена никакая другая религия»³. В завоевательной политике Наполеона подобное отношение к церкви было скорее исключением, но это внимание к религии было отнюдь не случайным. Испания в начале XIX в. была католической страной, где религия играла огромную роль в повседневной жизни подавляющего большинства населения. К тому же церковь являлась крупнейшим собственником. 30 000 монастырей, 19 000 церквей, 15 000 ризничих, 16 000 приходских священников, 60 000 монахов и послушников⁴ — внушительная сила в стране, где проживало около 12 млн человек.

Последняя треть XVIII в. стала для этого «государства в государстве» тревожным временем. Но Просвещение и Французская революция лишь сплотили ряды испанских священников. Церковь почувствовала себя в положении «осажденной крепости», и хотя костры инквизиции уже давно не пылали на испанских площадях, одной искры было достаточно, чтобы воспламенить души священников и повести их в новый крестовый поход против «неверных». Можно сказать, что под влиянием Французской революции в Испании к 1808 г. постепенно сформировалась целая «армия» священников, готовая в любой момент вступить в бой.

В 1808 г. у Франции были и потенциальные «союзники» в Испании. По мнению известного французского историка-испаниста Жана-Рене Эме, Война за независимость 1808–1814 гг. «не вписывается в традицию враждебности между Францией и Испанией»⁵. Вот уже сотню лет в Мадриде правили Бурбоны — потомки Филиппа V, внука «короля-солнца» Людовика XIV. Бурбоны принесли в Испанию французскую одежду, кухню и привычки, французскую архитектуру и музыку, французский язык

² *Gazeta de Madrid*. 1808. 3 de junio. Núm. 53. P. 530.

³ *Constitución de Bayona jurada por José Bonaparte el 7 de julio de 1808 (extractos) // Aymes J.-R. La Guerra de la Independencia en España (1808–1814)*. Madrid, 2008. P. 183.

⁴ См.: *Aymes J.-R. Op. cit.* P. 12.

⁵ *Ibid.* P. 5.

и, что немаловажно, дружественные отношения с соседней державой, которые были закреплены в трех Семейных пактах (1733, 1743 и 1761). Франко-испанские отношения на протяжении почти всего XVIII в., несмотря на временные охлаждения и проявившиеся противоречия, развивались мирно и взаимовыгодно — союз обеих держав был направлен против морской экспансии Великобритании и гарантировал сохранение французской и испанской колониальных империй.

После окончания Войны за испанское наследство Франция играла роль «старшего брата», «наставника» Испании. Иногда это порождало чувство зависти, дух соперничества и противоречия. Францию уважали, но в то же время опасались ее. Кроме того, «офранцузивание» затронуло лишь немногочисленную элиту испанского общества, но даже в ее среде сохранялось национальное, испанское начало. Оно проявлялось в увлечении испанской знати изначально «плебейскими» развлечениями: корридой, фанданго и фламенко. Народные мадридские образы «маноло» и «манола», «махо» и «маха»⁶; их непритязательная, но красивая в своей простоте одежда; свободное и независимое поведение становятся необычайно популярными среди испанской аристократии конца XVIII в. «Махизм» возник как реакция на «офранцузивание», но оба феномена были взаимосвязаны и даже дополняли друг друга. Так, образованный юноша из хорошей семьи того времени мог одеваться по последней французской моде и носить парик на официальных приемах, тайком читать французских просветителей, не пропускать ни одной мессы и исповеди, ходить на корриду, а по вечерам ужинать с друзьями в трактире, где его было почти невозможно отличить ни по одежде, ни по поведению от местных «маноло». Глава одного из знатнейших испанских родов, герцогиня де Альба заказывала платья у парижских портних, но для Франсиско Гойи позировала в наряде «махи». Многие полотна Гойи увековечили образ «маноло» и «махи».

Тем не менее у «махизма» были и свои противники, многие из них принадлежали к стану «офранцузенных». «Офранцузенными» (*исп.* «аfrancesado») в широком значении этого слова можно назвать всех тех испанцев, кто был наиболее подвержен культурному и политическому влиянию Франции на протяжении XVIII—XIX вв. Во время Войны за независимость так стали называть испанцев, сотрудничавших с французскими властями, занимавших посты в администрации Хосе I и приносивших ему клятву верности. Их также называли «присягнувшими» и

⁶ «Маноло» происходит от испанского имени Мануэль. Стало популярным обращением в Мадриде после постановки музыкальной пьесы «Маноло» испанского драматурга Рамона де ла Крусса в 1769 г. «Маноло» и «махо» стали синонимами, которые вмещали в себя понятия «красавчик», «щеголь» и «смельчак». Формы женского рода: «манола» и «маха».

«хосефино», то есть сторонниками Хосе I (*исп.* «jurementado» и «josefino»). Очевидно, понятие «офранцузенный» в первом значении не совпадает с понятием «присягнувший» — последний необязательно должен был восхищаться Францией и всем французским⁷. Первыми «присягнувшими» или «офранцузенными» во втором значении стали участники «Байоннских кортесов».

Как отметил Ж.-Р. Эме, «испанец, говоривший в начале XIX в. и одевшийся на французский манер, не обязан любезно встречать французскую солдатню, которая в 1808 г. захватывает и грабит испанскую землю, разрушая таким образом идеальный образ Франции. Кроме того, Франция 1808 г. уже не очень похожа на Францию 1750 г., 1792 г. или 1802 г.»⁸. Французская революция разделила испанских «офранцузенных» на сторонников и противников новой Франции. Все последующие политические изменения в соседней державе, помноженные на не всегда точные сведения и оценки, заставляли «офранцузенных» каждый раз вновь и вновь взвешивать на весах своей совести любовь к Франции и свои политические пристрастия. Окончательный выбор многие из них должны будут сделать после мая 1808 г.

После «байоннских отречений» Наполеон стремился найти поддержку среди местного населения, пытаясь представить себя в качестве реформатора. В манифесте к испанской нации от 25 мая 1808 г. он заявил: «Испанцы! После долгой агонии ваша нация оказалась на пороге смерти. Я увидел недуги, которые причиняют вам боль, и я собираюсь излечить их... Ваша монархия устарела. Моя миссия заключается в том, чтобы возродить ее, я улучшу ваши учреждения и дам вам наслаждаться благами реформы, без которой вы бы познали несчастья, беспорядки и потрясения... Я хочу, чтобы память обо мне достигла самых дальних ваших потомков и чтобы они восклицали: он был восстановителем нашей Родины»⁹. Теми же идеями возрождения Испании, восстановления ее былого могущества, пронизана официальная прокламация, с которой новый король Хосе I, находясь в Витории, обратился к испанской нации 12 июля 1808 г. Он заявил, что счастье подданных является самым заветным его желанием и что он рассчитывает на людей, стремящихся помочь вернуть Испании прежнее величие¹⁰.

Реформаторский потенциал новой династии привлекал испанцев, готовых сотрудничать с новой властью, несмотря на то, что в Испании начиналась война против французозов и их императора, которого вос-

⁷ Подробнее об «офранцузенных» в истории Испании см.: *Artola M.* Los afrancesados. Madrid, 2008.

⁸ *Aymes J.-R.* La Guerra de la Independencia en España... P. 32.

⁹ *Gazeta de Madrid.* 1808. 3 de junio. Núm. 53. P. 530.

¹⁰ *Gazeta de Madrid.* 1808. 16 de julio. Núm. 88. P. 818–819.

ставшие испанцы стали называть «Антихристом». Но, как отметил Ж.-Р. Эме, «Наполеон являлся Антихристом только для клира и невежественного простонародья, для начитанного и просвещенного испанца было сложнее определить образ Франции»¹¹. Нельзя сказать, что «офранцузенными» двигали исключительно инстинкт самосохранения и боязнь потерять свои титулы, владения и должности. Для них, воспитанных на французской культуре, Франция все еще оставалась неким цивилизационным (во многом идеализированным) образцом, а Наполеон предстал в образе мудрого правителя, сумевшим его усмирить революцию, вернуть величие своей державе и завоевать чуть ли не весь мир. Ужасы Французской революции, да и само правление Карла IV и Фердинанда VII в Испании блекли перед силой, мощью и величием империи Наполеона Бонапарта. Поэтому для многих «офранцузенных» тот факт, что Наполеон выбрал новым королем Испании своего брата, не вызывал патриотического негодования, а скорее наоборот, побуждал их сотрудничать с новой властью, «даровавшей» Испании конституцию и обещавшей к тому же провести реформы, призванные возродить страну. В этом отношении они были готовы сотрудничать с Хосе I при условии сохранения единства и независимости испанской империи, а также католической религии. Кроме того, по аналогии с 1700 г. и учитывая официальные отречения Бурбонов, они считали смену династии легитимной и не видели в этом опасности для независимости Испании.

Среди «офранцузенных» (в широком смысле этого слова) были и противники Наполеона. Они считали его тираном, погубившим Французскую революцию. Испанцы консервативного толка считали его воплощением «религиозной гидры», а либералы – противником свободы¹². Часть «офранцузенных» присоединилась к патриотам. Как утверждал испанский писатель и историк XIX в. Хосе Муньос Мальдонадо, «необходимо признать очень важную для Истории истину. Самые талантливые, самые просвещенные люди Испании выбирали либо Кадисскую конституцию, либо Хосе I»¹³. Как бы то ни было, «офранцузенных» и «присягнувших» было не так уж много. По подсчетам современников и исследователей, в конце войны вместе с Хосе I испанскую землю покинуло около 12 000 его сторонников и сподвижников¹⁴.

Тем временем, разочарование французами и Наполеоном постепенно вытесняло прежние симпатии и восхищение. Байоннская конституция

¹¹ *Aymes J.-R.* La Guerra de la Independencia en España... P. 29.

¹² *Ibid.*

¹³ Цит по.: *Artola M.* Los afrancesados... P. 56.

¹⁴ *Ibid.*

так и не применялась на практике, обещанные преобразования откладывались. Единство Испании стало явной фикцией уже в 1808 г., когда началась война. Часть Испании восстала, часть была оккупирована французской армией. При этом маршалы Наполеона вели себя как вице-короли отдельных провинций, где располагались их войска, а король Хосе I, можно сказать, управлял лишь Мадридом и его окрестностями, как он сам признавался в своих письмах к брату. В 1810 г. политическое единство Испании было нарушено самим Наполеоном Бонапартом. 8 февраля он подписал декрет, согласно которому в Каталонии, Арагоне, Наварре и Бискайе были созданы правительства, независимые от Хосе I. Во главе этих провинций Наполеон поставил своих генералов, объединивших гражданскую власть и военное командование. Налоги и прочие доходы с упомянутых провинций шли в казну расквартированных в них армий¹⁵. В самом начале 1812 г. Наполеон аннексировал Каталонию: разделенная на четыре департамента, она стала частью его империи¹⁶.

Хосе I с самого начала своего правления постоянно жаловался брату на отсутствие средств в казне и самовольное управление французских военных, не подчинявшихся ему. Он безустанно и безрезультатно просил у Наполеона денег и солдат и даже думал отречься от испанской короны и вернуться в Неаполь¹⁷. Но для императора французов принцип «война кормит войну» был дороже королевского престижа и репутации брата. Хосе I не смог осуществить на практике обещанные прогрессивные реформы. В итоге этот, и так малораспространенный, образ «цивилизованного» и «мудрого» француза, якобы посланного самим Провидением, чтобы «спасти» и «возродить» Испанию, исчезал, повинясь самому ходу развития событий, — в Испании разворачивалась кровопролитная Война за независимость.

О Войне за независимость Испании написано множество работ. Существуют различные трактовки ее истоков и характера. В любом случае сложно не согласиться с мнением Ж.-Р. Эме, что война испанского народа «за короля, Родину и религию» являлась «борьбой, если и не контрреволюционной, то, по крайней мере, консервативной»¹⁸. Образно говоря, Наполеон принес в Испанию знамя Французской революции. И хотя оно было достаточно «потрепанным» и «куцым», подавляющее большинство испанцев не желало принять даже его.

Восстание в Мадриде 2 мая было быстро и жестоко подавлено, но вести о нем, а также новости о «байоннских отречениях» Карла IV и

¹⁵ Текст декрета см.: *Artola M.* Los afrancesados... P. 276–279.

¹⁶ *Ibid.* P. 208.

¹⁷ Подробнее об этом см.: *Ibid.* P. 107–155.

¹⁸ *Aymes J.-R.* La Guerra de la Independencia en España... P. 30.

Фердинанда VII распространились по всей стране, словно искры, разжигавшие пожар народной ненависти к французам. В некоторых случаях возмущение народа перерастало в вооруженные столкновения с французами. Начиная с 22 мая 1808 г. восстания охватили Картахену, Овьедо, Ла-Корунью, Бадахос, Севилью, Мурсию, Валенсию, Сарагосу, Самору и другие города Испании. Во многих случаях восставший народ самовооружался, захватывая арсеналы, и требовал от местных властей объявить войну французам ради защиты «религии, Родины, законов и короля». Местные и провинциальные власти: капитан-генералы, аудиенции (суды) и аюнтамьенто (городские советы) дискредитировали себя попытками успокоить население. Поэтому по всей Испании начали возникать новые политические структуры восставших – местные и провинциальные верховные хунты (*исп.* junta – собрание, союз), призванные заполнить вакуум власти и организовать вооруженное сопротивление французам. Первым шагом хунт было объявление войны Наполеону и создание вооруженных частей. 25 сентября 1808 г. в пригороде Мадрида Аранхуэсе была создана Верховная и Правительственная Центральная Хунта Королевства, действовавшая от имени «пленного» Фердинанда VII. Центральная хунта возглавила сопротивление французам.

Когда война на Пиренейском полуострове стала реальностью, часть «офранцузенных» влилась в лагерь патриотов. Одним из наиболее ярких примеров тому стал Педро Севальос Герра, бывший государственный секретарь Карла IV и Фердинанда VII. Последнего он в свое время сопровождал в Байонну, а после отречений испанских Бурбонов согласился стать государственным секретарем Хосе I. Вместе с новым королем Севальос Герра вернулся в Испанию, уже охваченную восстаниями против французов, и сразу же подал в отставку. Осенью 1808 г. он вошел в Центральную хунту, а в 1809 г. стал ее официальным послом в Лондоне.

Наполеон не прощал «перебежчиков». Находясь в Бургосе, он 12 ноября 1808 г. подписал декрет, в котором объявил герцогов дель Инфантадо, де Ихар, де Мединасели и де Осуна, маркиза де Санта-Крус, графов де Фернан-Нуньес и де Альтамира, князя Кагель-Франко, епископа Сантандера и дону П. Севальоса Герру «врагами Франции и Испании, изменниками по отношению к обеим коронам». Их предписывалось арестовать, предать военному трибуналу и казнить. Имущество этих десяти испанцев во всех оккупированных французами землях секвестрировалось на военные нужды Франции¹⁹.

¹⁹ Mercader Riba J. José Bonaparte, Rey de España (1808–1813): Estructura del Estado Español Bonapartista. Madrid, 1983. P. 25.

Война в Испании с самого начала носила народный характер. Против Наполеона Бонапарта, его брата и французов восстали священники, крестьяне, горожане, часть военных и отдельные представители аристократии. Своеобразной чертой этой войны стало мощное партизанское движение — «геррилья». Спротивление испанцев подпитывал религиозный патриотизм и народный монархизм. При этом смертельным врагом каждого восставшего испанца был ни много ни мало сам император французов Наполеон Бонапарт.

Ж.-Р. Эме не без основания писал: «Еще больше чем его генералы, Наполеон является излюбленной мишенью для множества авторов памфлетов и стихов, в которых сочетались политические соображения и оскорбления. Император, и только он, в конечном счете, становится ответственным за все беды»²⁰. С самого начала конфликта рефреном в испанской антифранцузской публицистике того времени и дипломатической переписке хунты стала версия о «вероломном похищении» Фердинанда VII «Желанного». Якобы Наполеон «обманом» заставил короля приехать в Байонну, а потом «силой» вынудил отречься от престола. Таким образом патриоты отрицали легитимность «байоннских отречений» и власти Хосе I.

В послании Верховной Правительственной Севильской хунты российскому императору Александру I от 27 июля 1808 г. говорилось: «Император французов Наполеон I, по введении своих войск в Испанию обманом, чтобы овладеть таковым же средством Португалиею, похитить у нас и увезти во Францию с ужасным вероломством нашего короля, государя Фердинанда VII, и всю королевскую фамилию, чтобы принудить их там отрешиться от королевства испанского насилиями, каковым нет примера в Бытописании, похитить владычество над Испанией, на которое не может иметь никакого права, и для произведения сего владычества избрать королем испанским своего брата Иосифа Наполеона, заставил нас для отвращения столь ужасных оскорблений и для защищения только священных прав поднять против него оружие»²¹. В приветственном послании Кадисских Кортесов российскому императору Александру I от 1 октября 1812 г. выражалась благодарность за признание Кадисской конституции и самих Кортесов, а также надежда на успешное продолжение войны против Наполеона, скрывавшего «сердце Нерона, вероломство Тиберия и жестокость Аттилы»²².

²⁰ *Aymes J.-R.* La Guerra de la Independencia en España... P. 25.

²¹ Архив внешней политики Российской империи. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 468. 1808 г. Д. 3269. Л. 10–11. Цитируется русский перевод того времени, сохранившийся в архиве. Опубликовано в: Россия и Испания: Документы и материалы. 1667–1917. В 2 т. Т. 2. 1800–1917. М., 1997. С. 32–36. «Иосифа Наполеона» — так в тексте источника. Имеется в виду Жозеф Бонапарт.

²² Россия и Испания: Документы и материалы... Т. 2. С. 73–75.

Слова «обман» (*исп.* «engaño»), «подлость», «вероломство» («perfidia»), «подлый», «вероломный» («pérfido»), «тиран» («tirano»), «деспот» («déspota»), «самозванец», «чужак» («intruso»), «корсиканец» («corso»), «завоеватель» («conquistador»), «узурпатор» («usurpador») и др. — постоянные спутники имени Наполеона Бонапарта в текстах, вышедших из-под пера патриотов, будь то дипломатическая переписка, официальные документы, прокламации, памфлеты или периодическая печать. В лице Наполеона персонализировался образ всех французов, «вероломной» и «лживой» нации. Их называли «безбожниками» и «неверующими» (*исп.* «ímpío»), «варварами» («bárbaro»), «скотом», «дикарями» («bruto»), «бандитами», «разбойниками» («bandido»), «убийцами» («asesino») и т.д. Причем под «французами» зачастую подразумевались не только уроженцы Франции, но и представители других народов, воевавших в армии Наполеона в Испании.

Помимо этих негативных человеческих качеств, образ врага наделался и религиозно окрашенным содержанием: Наполеона, как уже отмечалось, считали и называли «Антихристом». Таким образом, «справедливая» война против него (война против захватчика) становилась «священной» (войной за веру), превращалась в крестовый поход — «крусаду» — против «неверных» и являлась религиозным долгом каждого испанца-католика. Эта религиозная составляющая образа врага имела огромное значение. Испания того времени — католическая страна, где были запрещены другие религии. Война за независимость возродила традиции пылкого и воинственного католицизма. Как отметил Ж.-Р. Эме, даже само понятие «Родина», которое до того времени носило более эмоциональное, нежели политическое содержание, имело религиозный оттенок²³. Эту неразрывную связь католической веры с любовью к Отечеству отмечали и современники событий. Так, второй муж Жермены де Сталь, уроженец Швейцарии, младший лейтенант Альбер-Жан-Мишель де Рокка, участвовавший в этой войне, впоследствии писал в своих мемуарах: «Характер испанцев этих регионов (имеются в виду окрестности Сарагосы. — *И.М.*) ни в чем не похож на характер других наций Европы. Их патриотизм так же религиозен, как и патриотизм древних [народов], когда ни один народ, несмотря на поражения, не позволял себе впасть в уныние и признаться в том, что побежден, пока оставались нетронутыми алтари защищавших его богов... Современные армии побеждают благодаря дисциплине, основанной на любви к военному делу, в то время как только политический или религиозный патриотизм делает нации непобедимыми»²⁴. Именно от этого религиозного патриотизма проис-

²³ Aymes J.-R. La Guerra de la Independencia en España... P. 25.

²⁴ Rocca A.-J.-M. de. Memorias sobre la guerra de los franceses en España / Ed. J.-R. Aymes, N. Bittoun-Debruyne. Madrid; Cádiz, 2011. P. 63.

текало столь негативное отношение испанцев к «безбожным» французам. Даже рождавшийся в те годы испанский либерализм был поначалу окрашен в католические тона. Приблизительно треть депутатов Кадисских кортесов были священниками. Неслучайно статья 12-я Кадисской конституции гласит: «Религией испанской Нации есть и будет вечно религия католическая, апостольская, римская, единственно истинная. Нация защищает ее мудрыми и справедливыми законами и запрещает исповедание какой-либо иной»²⁵. В этом вопросе первая испанская конституция ничем не отличалась от «Байоннской конституции», «дарованной» Испании Наполеоном Бонапартом.

Своеобразной квинтэссенцией религиозной составляющей образа Наполеона и французов стали широко распространенные в годы войны «политические» и «гражданские» катехизисы. В качестве иллюстрации приведу отрывки одного из них:

«Вопрос: Скажи мне, сын мой, кто ты таков?

Ответ: Испанец, милостью божьей.

Вопрос: Что такое значит испанец?

Ответ: Честный человек.

Вопрос: Какие обязанности испанца и сколько их?

Ответ: Три: быть добрым христианином, защищать свою веру, Отечество и короля и скорее умереть, нежели упасть духом.

Вопрос: Кто король наш?

Ответ: Фердинанд VII.

Вопрос: Как он должен быть любим?

Ответ: С величайшею горячностью, как того заслуживают его несчастья и его добродетель.

Вопрос: Кто враг нашего благополучия?

Ответ: Император французский.

Вопрос: Каков этот человек?

Ответ: Зол, горд, начало всякого зла, конец всякого добра, смешение и соединение всех пороков.

Вопрос: Какого он естества?

Ответ: Двоякого: дьявольского и человеческого.

Вопрос: Сколько французских императоров?

Ответ: Один в трех обманчивых лицах.

Вопрос: Какие суть сии лица?

Ответ: Наполеон, Мюрат и Годой (Князь Мира).

²⁵ Constitución política de la Monarquía española, promulgada en Cádiz a 19 de marzo de 1812. Discurso preliminar leído en las Cortes, al presentar la Comisión de Constitución el proyecto de ella. Cádiz, 2010. P. 6; Перевод Кадисской конституции на рус. яз. см.: *Алексеева Т.А.* Законодательство испанской революции 1808–1814 гг. СПб., 1996. С. 116–143.

Вопрос: Кто из них злее?

Ответ: Все равны.

Вопрос: От чего происходит Наполеон?

Ответ: От греха.

Вопрос: Мюрат?

Ответ: От Наполеона.

Вопрос: А Годой?

Ответ: От козней двух первых.

Вопрос: Каков характер первого?

Ответ: Гордость и деспотизм.

Вопрос: Второго?

Ответ: Хищность и свирепство.

Вопрос: А третьего?

Ответ: Скупость, измена и невежество.

Вопрос: К чему служат французы Наполеону?

Ответ: Одни для возвышения его гордости, другие, как орудия, для истребления рода человеческого.

Вопрос: Когда должен кончиться сей ужасный деспотизм?

Ответ: Он уже близок к падению.

Вопрос: На что мы должны полагать нашу надежду?

Ответ: На Бога и на усилия нашего Отечества.

Вопрос: Какая должна быть политика испанцев?

Ответ: Правила, предписанные нам Господом нашим Иисусом Христом.

Вопрос: А какова политика Наполеона?

Ответ: Макиавеллевская.

Вопрос: В чем состоит она?

Ответ: В себялюбии.

Вопрос: Какие же оной последствия?

Ответ: Разврат, разорение и истребление себе подобных»²⁶.

На формирование образа врага оказывали влияние реальные события и ужасы войны, поведение французской армии в Испании, разнообразная публицистика испанских патриотов и проповеди священников, звучавшие с амвонов испанских церквей. О жестокости той войны, мародерстве, насилии и издевательствах над пленными, женщинами и священниками, об ужасных пытках, публичных казнях и грудах захороненных трупов, о лютой взаимной ненависти французов и испан-

²⁶ Отрывки из «политического катехизиса» приводятся по: *Булгарин Ф.В.* Воспоминания об Испании. СПб., 1823. С. 49–54. Тексты на исп. яз. см., например: *Guerra de la Independencia. Proclamas, Bandos y Combatientes* / Ed. de S. Delgado (Biblioteca de visionarios heterodoxos y marginados). Madrid, 1979. P. 294–358.

цев, ненависти, превосходившей смерть, той ненависти, что заставляет измываться, осквернять и уродовать тело уже поверженного и мертвого врага, наглядное представление дает серия офортов Франсиско Гойя «Бедствия войны» («Los Desastres de la Guerra»). Эти гравюры, созданные в годы войны, не использовались тогда в качестве «пропагандистского оружия». Они были впервые опубликованы только в 1863 г., через 35 лет после смерти великого испанского художника²⁷. Гойя изобразил войну такой, какой ее увидел. На его офортах нет крупных сражений регулярных армий, мудрых полководцев и отважных солдат, готовых на подвиг. Главные герои его гравюр – нищие и истощенные испанские крестьяне и горожане, простые люди, мужчины, старики и женщины, которые с ножами, вилами, палками и камнями сражаются против добротной одежды и хорошо вооруженных французских солдат. Гойя изобличал именно ту неоправданную обоюдную жестокость и ненависть, с которой велась эта война, те ужасы, которые ей сопутствовали: насилие, издевательства, изуверства, голод, смерть. Трагедия народа, переросшая для художника в личную драму, заставляла его искать новые художественные средства. Итог этого поиска – картина «Колосс», написанная в 1808–1812 гг., – одна из главных загадок его творчества, предвосхищавшая его знаменитую «пинтуру негру» («черные картины»). До сих пор искусствоведы и историки не могут дать окончательного ответа на вопрос, кого символизирует огромная фигура, как будто вырастающая прямо из земли: Наполеона, французов, восставший испанский народ, слепую ненависть, войну, смерть или даже Фердинанда VII?

Война в Испании приняла крайне жестокий характер. Профессор Барселонского автономного университета Антонио Молинер Прада утверждает, что «восстание каталонцев против наполеоновских войск, несомненно, было самым мощным в Испании»: «Народ Барселоны восхищался отвагой и мужеством французских войск, когда они вошли в город 13 февраля 1808 г., но это ощущение вскоре обернулось ненавистью и презрением»²⁸. Само поведение французов стало тому виной. В начале лета 1808 г. «союзническая» армия превратилась в оккупантов. Вот как описаны действия французов в очерке «Современное положение Ката-

²⁷ Los Desastres de la Guerra de Francisco de Goya / Prólogo de J.L. Corral. Barcelona, 2005. P. IX; Goya. Caprichos, Desastres, Tauromaquia, Disparates: Reproducción completa de las cuatro series / Introducción de S. Paas-Zeidler. Barcelona, 2008. P. 93.

²⁸ Moliner Prada A. La imagen de Francia y de su ejército en Cataluña durante la Guerra del Francés (1808–1814) // La imagen de Francia en España (1808–1850) / Eds. J.-R. Aymes, J. Fernández Sebastián. Bilbao, 1997. P. 15, 31.

лонии», опубликованном 2 сентября 1808 г. в *Gazeta militar y política del Principado de Cataluña*:

«Не существует примеров жестокостей, равных тем, что происходят в Каталонии. Самое ужасное вероломство и злоупотребление искренностью, дружбой и благодеяниями. Те же самые дома и семьи, что более других служили и одаривали этих [французских] генералов, были подло разграблены, сожжены и захвачены без какой-либо причины. Храмы не просто разграблены, а разрушены; их мебель, [священные] сосуды и изображения — осквернены, и унижены, и уничтожены. Вплоть до греховного наслаждения — выпивать из потиров и дарохранительниц на улицах и в тавернах. Они сжигали деревни, обезглавливали детей, беременных женщин, подбрасывали вверх новорожденных, чтобы посадить их на штыки. Торговля рабами, которую французские авторы осуждали и от которой приходили в ужас, здесь происходила; причем торговали теми, кого называли друзьями. Открыто продавали младенцев за 2 реала, священников, мальчиков, девочек и девушек. Эти ужасы, которые когда-то творили дикари, совершают французы по собственной жестокости и согласно приказам своих генералов... Поэтому мы не сомневаемся, что Господь уже устал, что он нас уже покарал; мы рыдали, но теперь вместе со Всемогущим Господом мы вернем его славу. Гнев Господень уже падает на этих безбожников, варваров и скотов»²⁹.

Может показаться, что испанская газета преувеличивает преступления захватчиков, но сами французы в своих воспоминаниях и переписке того времени рисуют очень похожую картину. Многие из них достаточно цинично рассказывают о том, как останавливались на постоях в церквях и монастырях, сжигая всю пригодную утварь, о постоянных грабежах, поджогах, погромах, убийствах и насилиях. Французское командование пыталось сдерживать эти «беспорядки», но его усилия были тщетны³⁰.

Большое влияние на формирование образа врага оказывала печатная пропаганда патриотов. Еще 22 мая 1794 г., в разгар так называемой «Русильонской войны» с Францией (1793–1795), каноник Хуан Эскоикис передал тогда всесильному фавориту Мануэлю Годоу «Записку о вреде, который могут нанести Испании сегодняшние волнения в Европе». Будущий наставник принца Астурийского Фердинанда считал, что «всем объединившимся нациям, не воодушевленным как Франция, возможно не хватит сил чтобы покорить ее». Эскоикис одним из первых в Испании осознал специфику войны против революции и значение пропаганды. Вот его совет: «воодушевить против французов национальный дух и ис-

^{29 29} Цит. по: Ibid. P. 17–18.

^{30 30} См.: *Aymes J.-R. ¿Guerra de Independencia o Guerra de España? La visión de los memorialistas franceses // Rocca A.-J.-M. de. Memorias sobre la guerra de los franceses en España... P. 34–37.*

пользовать это воодушевление, чтобы увеличить военные силы», «наводнить Испанию, как это делают французы, политическими катехизисами, книжечками, листками, газетами, стихами и песнями, подходящими для разных классов, способностей и вкусов»³¹. Тогда эти предложения не осуществились. Испания проиграла «Руссильонскую войну». Теперь, в 1808 г. идеи Эскоикиса стали воплощаться в реальность, правда, уже без его участия – наставник Фердинанда VII отправился вместе с королем в Байонну и все годы войны провел во Франции.

С 1808 г. вся Испания была засыпана манифестами, памфлетами, воззваниями, прокламациями, декларациями, газетами, журналами, напечатанными «политическими» и «гражданскими» катехизисами, листовками, листками и записками³². Страна переживала настоящий «издательский бум»: на авансцену вышла печатная политическая пропаганда, началась «памфлетная война» всех против всех. Испанские патриоты писали против французов и «офранцузенных», последние пытались «усмирить» патриотов, французы писали против англичан и восставших испанцев, сторонники Кадисской конституции «боролись» с ее противниками, абсолютисты «сражались» с либералами. Ситуация осложнялась тем, что вчерашний «офранцузенный» мог запросто стать патриотом и либералом – тогда против него направлялись «копья» бывших соратников. Судя по огромному количеству всей этой печатной продукции, может показаться, что Испания в одночасье превратилась в страну всеобщей грамотности, хотя это было далеко не так.

Доля антифранцузских сочинений в этом потоке печатной продукции огромна. Франкофобия доходила до абсурда: выдвигались даже предложения запретить употребление слов, заимствованных из французского языка (а их в испанском языке большое количество). Испанские повстанцы активно использовали силу древнейшего оружия – пера – для того, чтобы воздействовать на патриотические чувства своих соотечественников, а также завладеть общественным мнением европейских стран. 1 сентября 1808 г. Севальос Герра закончил написание яркого политического памфлета против Наполеона Бонапарта. «Быв свидетелем обстоятельств, предшествовавших происшествию в Байонне, и действовавшим лицом в самом сем происшествии», Севальос Герра подробно описывает дипломатические интриги французского императора и «ужасные насилия, причиненные как возлюбленному

^{31 31} Цит по: *Artola M. La Revolución Española (1808–1814)*. Madrid, 2010. P. 27.

^{32 32} Существует большое количество переизданий и переводов этой литературы. См., например: *Guerra de la Independencia. Proclamas, Bandos y Combatientes* / Ed. de S. Delgado (Biblioteca de visionarios heterodoxos y marginados). Madrid, 1979. Один из наиболее ярких памфлетов того времени: *Capmany A. de. Centinela contra franceses*. Madrid, 2008.

королю нашему Фердинанду VII, так и всей [испанской] нации»³³. Уже зимой 1808–1809 гг. памфлет Севальоса и другие издания испанских патриотов наводнили Европу. «Успех этого произведения, — писал о памфлете Севальоса Герры наполеоновский дипломат Д. Дюфур де Прадт, — был необычайным. Стены домов Лондона были покрыты его копиями. Вскоре Германия и север оказались им наводнены»³⁴. В России, несмотря на официальный «дух Тильзита», антифранцузская брошюра Севальоса Герры (издание на испанском языке) появилась в конце 1808 г., и впоследствии неоднократно издавалась на французском и русском языках. Русское издание называлось «Французы в Гишпании, или описание событий, сопровождавших похищение Гишпанской короны, и коварных средств, употребленных императором французским для достижения сей цели» (СПб., 1812). С этим памфлетом ознакомились император Александр I и российский министр иностранных дел Н.П. Румянцев³⁵. Многочисленные издания и переводы произведений П. Севальоса Герры и других испанских патриотов несли в Европу негативный образ Наполеона и французов, сформировавшийся на Пиренейском полуострове.

В самой Испании политическая публицистика была доступна лишь небольшой части населения — образованным и грамотным испанцам. Там, где печатное слово оказывалось бессильным, «глас Божий» помогал разоблачать «вероломства» Наполеона Бонапарта и его армии. Испанская церковь активно участвовала в войне против французов, была одной из главных движущих сил этого конфликта и оказывала огромное влияние на формирование образа врага. Священнослужители выступили против Наполеона Бонапарта, правительства Хосе I и французских войск с развернутыми стягами католической веры и абсолютизма. Уже в конце мая 1808 г. епископ Сантандера Рафаэль Томас Менендес-и-Луарка, возглавивший местную хунту, провозгласил: «Только суверены сами по себе создают или уничтожают, возвеличивают или унижают,

³³ Французы в Гишпании, или описание событий, сопровождавших похищение Гишпанской короны, и коварных средств, употребленных императором французским для достижения сей цели. Изданное Кеваллосом, первым государственным секретарем короля Фердинанда VII / Пер. с фр. СПб., 1812 г. С. 1–2. Испанское издание: *Exposición de los hechos y maquinaciones que han preparado la usurpación de la corona de España, y los medios que el Emperador de los Franceses ha puesto en obra para realizarla*, por Don Pedro Cevallos, Primer Secretario de Estado y del Despacho de S. M. C. Fernando VII. Madrid, 1808.

³⁴ Цит. по: *Додолев М.А.* Внешняя политика Испании в период войны за независимость (1808–1814) (К вопросу о характере испанской дипломатии и ее роли в создании антинаполеоновской коалиции) // *Проблемы испанской истории*. М., 1987. С. 210.

³⁵ *Додолев М.А.* Россия и Испания, 1808–1823 гг.: Война и революция в Испании и русско-испанские отношения. М., 1984. С. 55.

позорят, разоряют или заставляют сиять и процветать свои государства». Епископ Сантандера призывал бороться против французов «за религию, Бога, Иисуса Христа, короля, народ, справедливость и нашу безопасность»³⁶. Многие священники, как и епископ Сантандера, вошли в хунты и воодушевляли вооруженное сопротивление французам. Многие участвовали в военных действиях против захватчиков. «Порочный круг» вскоре замкнулся. Священники, опасаясь антирелигиозных мер нового правительства и разграбления святынь, выступали против французов и правительства Хосе I. Сами французы грабили церкви и убивали священников, понимая, что церковь является активной силой сопротивления. Священники с еще большей яростью обрушивались на оккупантов, что вызывало новые репрессии французов по отношению к испанскому клиру.

А. Молинер Прада утверждает: «Судя по всем изученным источникам, именно черное духовенство с первых дней организовывало сопротивление [французам] в Барселоне... Нескольких священников посадили в тюрьму, обвиняя их в том, что они своими проповедями возбуждали народ... В основном монахи возглавляли всевозможные [антифранцузские] заговоры, которые имели место в Барселоне во время войны... Именно в монастырях формировались хунты восставших, которые планировали упомянутые заговоры в годы наполеоновской власти, там же создавались склады оружия, пороха и других запасов... Во всех деревнях и городах участие духовенства в сопротивлении было эффективным»³⁷. В ответ французские солдаты, захватывая монастыри и церкви, убивали священников и оскверняли святыни.

Не только в адрес французов сыпались проклятия с амвонов испанских церквей. Обилие врагов доброго испанского католика того времени поражает воображение. В одном из «политических катехизисов» приводится их список:

«Вопрос: Сколько существует врагов души?

Ответ: Много, отец.

Вопрос: Кто они?

Ответ: “Офранцузенные”, масоны, материалисты, якобинцы, янсенисты, либералы, болтуны, журналисты, [суетный] мир, дьявол, плоть и весь этот хаос, который нас окружает»³⁸.

³⁶ Цит. по: *Aymes J.-R. La Guerra de la Independencia en España...* P. 27.

³⁷ *Moliner Prada A. Op. cit.* P. 19.

³⁸ Цит. по: *Aymes J.-R. La Guerra de la Independencia en España...* P. 78. Согласно католической доктрине, существуют три «врага души»: дьявол, суетный мир и плоть. В Испании их перечень значительно расширился в годы Войны за независимость.

Другим средством, способным воздействовать на безграмотное население, стали всевозможные картинки, выпускавшиеся испанскими патриотами. В основном это офорты или отпечатки, сделанные посредством ксилографии. Они носили не только пропагандистский, но и сатирический характер³⁹. Этот своеобразный испанский «лубок» воспевал испанский героизм и высмеивал французов. Наполеон обычно изображался в виде животного с человеческой головой, рядом с ним часто рисовали черта или дьявола. Очень распространенными художественными средствами были аллегория и символизм — на многих картинках «испанский» лев побеждает «имперского» орла. Испанские патриоты высмеивали Хосе I и его пристрастие к алкоголю. Хрестоматийным стало изображение короля со сложными как при молитве руками, стоящего на коленях в бутылке с вином. Внизу картинки зарифмованная фраза: «У каждого своя судьба, твоя — быть пьяным до самой смерти» (*исп.* «Cada cual tiene su suerte, la tuya es de borracho hasta la muerte»).

Негативный образ французов зачастую формировался на противопоставлении образу героического испанца, верного своей религии и преданного своему монарху, Фердинанду VII «Желанному». Это противопоставление впоследствии оказало значительное влияние на развитие испанского патриотизма, так как война против французов вскоре стала одним из «опорных камней» национального самосознания испанцев⁴⁰. С одной стороны, война завершилась победой патриотов — в Мадрид вернулся Фердинанд VII. С другой — Испания вышла из войны ослабленной и опустошенной, неспособной играть значительную роль на международной арене и сопротивляться распаду империи. В результате, такие характеристики национального самосознания, как закрытость, изоляция, погружение в себя и свое героическое прошлое, способствовали формированию и длительному сохранению негативных стереотипов иностранцев, прежде всего французов и англичан. Конечно, испепеляющая ненависть к французам времен Войны за независимость вскоре утонула, но франкофобия еще долгое время была достаточно распространенной в Испании. Ее отмечали иностранные (в том числе российские) путешественники, журналисты и дипломаты. Так, находившийся в Испании в годы Первой мировой войны советник россий-

³⁹ Подробнее см., например: *Corrales Burjalés L.* El poder de la imagen durante la Guerra de la Independencia: el caso de Cataluña // *Hispania Nova. Revista de la Historia Contemporánea.* Núm. 9. 2009. P. 253–279. <http://hispanianova.rediris.es/9/dossier/9d001.pdf>.

⁴⁰ О мифологизации войны и ее роли в развитии испанского патриотизма и национального самосознания см., например: *Álvarez Junco J.* La invención de la Guerra de la Independencia // *Studia Historica. Historia contemporánea.* Vol. XII. Salamanca, 1994. P. 75–99; *Sombras de mayo: Mitos y memorias de la Guerra de la Independencia en España (1808–1908).* Madrid: Casa de Velázquez, 2007.

ского посольства Ю.Я. Соловьев впоследствии писал в своих мемуарах: «Население Испании, плохо знающее иностранцев, которых в общем недолюбливает, питает особую ненависть к французам и англичанам. В Северной Испании всякий иностранец называется “француз”, а на юге — “инглез”»⁴¹.

Итак, образ французов и Франции в годы Войны за независимость Испании не был единым. Он напрямую зависел от образования, политических взглядов и пристрастий самих испанцев. «Две Испании» рождавшиеся в горниле Войны за независимость и первой испанской революции еще не стали непримиримыми врагами. Большая часть испанцев того времени была необразованной, верной католической религии и абсолютизму, не готовой принять революционные либеральные преобразования, тем более навязанные извне. Молодой испанский либерализм был еще слишком слабым течением и в годы войны был вынужден объединиться с наиболее консервативными силами страны против иноземных захватчиков. У либералов и консерваторов был общий враг — Наполеон, французы и «офранцуженные», (последние, по сути, являлись сторонниками «просвещенного абсолютизма» и умеренных преобразований). В результате, сам термин «офранцуженный» станет на долгие годы синонимом «предателя» и «коллорациониста», а негативный образ французов с ярко выраженной религиозной окраской окажется распространеннее и сильнее образа «просвещенного» француза и моды на Францию. Одной из главных характеристик этого образа была персонафикация всех французов в лице Наполеона Бонапарта, «тирана», «узурпатора» и «Антихриста».

Известный испанский историк крайне консервативного толка и один из влиятельнейших авторов франкистской эпохи Хесус Пабон опубликовал в 1944 г. книгу «Наполеоновские идеи и система», в конце которой размышлял о главных «ошибках империи». Их он выделил три: религиозную, национальную и монархическую. Первая заключалась в непонимании Наполеоном сути религии и церкви и в их восприятии исключительно в качестве политической силы. Вторая — в недооценке патриотизма. Третья являлась логичным следствием двух первых: «Если Наполеон не постигает религиозную истину и истину национальную, ему не удастся осознать силу трона, которая основывается на этих истинах; он не поймет этот *сакраментальный идеал* — “союз видимого с невидимым, воздвигнутый на таинстве”, воплощение всего общества в одном человеке, святость королевского таинства,

⁴¹ Соловьев Ю.Я. Воспоминания дипломата. 1893–1922. М., 1959. С. 275. «Француз» (исп. «francés») — «француз», «инглез» («inglés») — «англичанин».

что король — не только духовный символ, но и реальное воплощение народа»⁴².

В Испании, согласно Х. Пабону, Наполеон Бонапарт совершил «тройную ошибку». Конечно, современный ученый вряд ли согласится с испанским историком в вопросе о сакральности королевской власти, но эта убежденность Х. Пабона унаследована от мировоззрения тех самых испанцев, которые сражались против «Антихриста» и его войска. Именно это мировоззрение — осознанный или интуитивный глубоко религиозный монархизм-патриотизм — заставляло многих испанцев идти на смерть за «веру, короля и Родину». Именно оно придавало образу французов в Испании столь яркий религиозный колорит.

⁴² *Pabón J.* Las ideas y sistema napoleónicos / Ed. C. Seco Serrano. Pamplona, 2003. P. 87.